

М.Н. МУРАВЬЕВ
В «СИБИРСКОМ» РОМАНЕ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ПРОЛОГ»
И В РОМАНЕ В.В. КРЕСТОВСКОГО «ДВЕ СИЛЫ»

Галина Альфредовна СКЛЕЙНИС,
кандидат филологических наук,
г. Магадан

В истории России и русской армии XIX в. фамилия Муравьева занимает особое место. «Военная энциклопедия», вышедшая в 1912 г. в известном книжном издательстве И.Д. Сытина, содержит сведения о четырех крупнейших военачальниках с такой фамилией, деятельность которых приходится в основном на царствование Николая I и Александра II. Это (в хронологическом порядке) генерал-майор Н.Н. Муравьев; его старший сын, генерал-адъютант, генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев (Карский); его младший сын, граф, генерал от инфантерии М.Н. Муравьев (Виленский); наконец, полный тезка генерал-майора, граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, знаменитый Н.Н. Муравьев-Амурский, присоединивший к России Приамурский край¹.

В нашей памяти, памяти потомков сформирован определенный стереотип восприятия личности того или иного государственного деятеля. Конечно, он основан на определенных фактах. Счастливый (и редкий) пример военачальника и государственного деятеля, заслужившего любовь и уважение современников и добрую память последующих поколений, — Николай Николаевич Муравьев-Амурский, просвещенный ум и энергичная натура, исключительно честный, принципиальный и великодушный.

Однако факты можно интерпретировать по-разному. И наиболее яркий пример тому — неоднозначное восприятие современниками и преимущественно негативная оценка потомками личности Михаила Николаевича Муравьева, представлявшего интересы России в Северо-Западном крае. Талантливый математик, выпускник Московского университета, участник войны 1812 г., в возрасте 16 лет (!) тяжело раненный под Бородином, человек волевой, умный, принципиальный, он вошел в историю русской культуры исключительно как «Муравьев-вешатель» и «Муравьев-палач».

В 2006 г. исполняется 210 лет со дня его рождения и 140 лет со дня смерти (1796—1866). В связи с этой юбилейной, хотя и не совсем «круглой» датой, я бы хотела обратиться к двум полярным литературным интерпретациям личности М.Н. Муравьева его современниками.

Произведения написаны приблизительно в одно и то же время. «Пролог» Н.Г. Чернышевского — с 1867 по 1870 г., «Две силы» В.В. Крестовского — в составе дилогии «Кровавый пух», создававшейся с 1869 по 1872 г. В обоих романах Михаил Николаевич Муравьев представлен как периферийный герой.

Какой же видится личность этого человека в художественном восприятии каждого из писателей?

Роман «Пролог» создавался Н.Г. Чернышевским в Сибири, в каторжной тюрьме Александровского завода. Впервые был опубликован в 1877 г. в Лондоне одним из идеологов народничества П.Л. Лавровым. Роман не завершен и состоит из двух фрагментов: «Пролог пролога» и «Дневник Левицкого».

Действие первой части «Пролог пролога» происходит в 1857 — начале 1858 г., накануне крестьянской реформы. Практически во всех героях с большей или меньшей долей сходства угадываются реальные деятели предреформенной поры (К.Д. Кавелин, Н.А. Милютин, Я.И. Ростовцев), выведенные под вымышленными именами. Подчеркнуто автобиографический характер носит изображение главного героя, симпатичного и обаятельного чудака Алексея Ивановича Волгина, а во внешности, манере поведения и речи его красавицы жены узнаются черты Ольги Сократовны Чернышевской.

Я не случайно употребила применительно к героям романа и их прототипам два различных глагола: «узнаются» и «угадываются». В отношении М.Н. Муравьева, выведенного в романе под фамилией Чаплин, и почти всех остальных государственных и общественных деятелей, изображенных в «Прологе», в наибольшей степени подходит глагол «угадываются».

На мой взгляд, это во многом объясняется одной из характерных особенностей данного текста в целом. Несмотря на то, что в «Прологе» переданы атмосфера, колорит предреформенной поры, художественная реальность романа оставляет странное ощущение условности. Такое ощущение создается обилием перифраз, часто иронических, которые заменяют названия должностей, постов, рода занятий того или иного героя, комитетов и комиссий, занимавшихся подготовкой реформы. «Тогдашний авторитет петербургских прогрессистов», «знаменитости петербургского либерализма», «какой-то чрезвычайно высокий сановник», «в целом собрании он единственный решительный партизан либеральных принципов освобождения», «доклад будет прочтен в собрании»² — вот только несколько образцов подобных «замещающих» наименований. Способствуя узнаванию того или иного прототипа современниками писателя, такие намекающие названия являются своеобразным способом преодоления «злости дня» и создания типических портретов государственных чиновников и политиков разного уровня и мирозерцания.

Пост, который занимает Чаплин, в романе также не назван. Мы узнаем, что его светлость граф Илларион Илларионович Чаплин — член собрания, где обсуждается доклад «об основаниях, на которых будут освобождены крестьяне». И он «сильнее каждого из остальных членов поодиночке» (208). Либеральные принципы освобождения Чаплин называет «делом бунтовщика, революционера» (209). В разгар подготовки реформы он «увольняется в отпуск за границу... Опала была открытая, полная» (214).

Во всех перечисленных сведениях угадываются факты биографии М.Н. Муравьева. В 1857 г. он был назначен министром государственных имуществ. Муравьев относился к помещичьей партии, которая не одобряла никаких проектов по освобождению крестьян, и в конце 1861 г. был вынужден уйти с министерского поста.

Обращают на себя внимание два анахронизма, доказывающие произвольное обращение Чернышевского с фактами биографии Муравьева. Так, Чаплин уходит в отставку в разгар подготовки крестьянской реформы, а Муравьев — после опубликования Манифеста об освобождении крестьян.

Вторая неточность представляется мне знаменательной. В отличие от его светлости графа Чаплина М.Н. Муравьев был возведен Александром II в графское достоинство в 1865 г., после усмирения Польского восстания 1863—1864 гг.

В этой связи хочется высказать предположение, что на трактовку личности М.Н. Муравьева повлияли сведения, полученные Чернышевским уже на катор-

ге. И на Кадаинском руднике, где в 1864 г. писатель начинал отбывать каторжный срок, и в Александровском заводе, где он провел четыре года (с 1867 по 1871), было много заключенных из поляков, преимущественно участников Польского восстания³, испытывавших к Муравьеву жгучую ненависть. Новые впечатления могли наложиться на прежние петербургские представления писателя о бывшем министре государственных имуществ.

Был еще один фактор, который не мог не усилить личную неприязнь писателя к Муравьеву. В 1863 г. в Вильне по приказу диктатора был казнен один из руководителей крестьянского восстания в Литве Зыгмунт Сераковский. Чернышевский с большой симпатией относился к польскому революционеру, с которым общался в Петербурге. Сераковский послужил прототипом для одного из самых обаятельных героев «Пролога» Соколовского.

В результате Чернышевским был создан резко негативный памфлетный образ Чаплина. Автор «Что делать?» и «Пролога», горячий поборник женской эмансипации, подверг своего героя испытанию бытом и раскрыл его истинную сущность в отношении к женщине. Сцена именинного обеда — центральный эпизод, в котором участвует граф.

На портрете Муравьева работы Н.П. Загорского перед нами крупный, грузный человек с волевым подбородком, жестким и властным взглядом. В описании Чаплина, пропущенном через авторскую ненависть, черты этого лица едва угадываются: «...в двери ввалила... человекоподобная масса... хлопотливо работающая руками... ворочаясь всем корпусом, с выпятившимся животом... с отвислыми брылами до плеч, с полуоткрытым, слюнявым ртом... с оловянными, заплявывшими салом крошечными глазками» (189—190). Все эти детали внешности: «выпяченный живот», «слюнявые губы», «отвислый подбородок», а также издаваемые героем звуки («храп и соп») — будут многократно повторены, усиливая у читателя чувство гадливости.

Уже в первой портретной характеристике намечается ведущий принцип изображения этого героя — анимализация, последовательно выдержанная на протяжении всей последующей сцены и доведенная в романе до крайней уродливо-гротескной формы. Жизнь Чаплина — это отправление инстинктов. Во время обеда он устойчиво ассоциируется со свиньей: «Он... жрал... по две, по три порции... он мазал себе всю нижнюю половину рыла. Волгина отворачивалась, чтобы не видеть, как он жрет, но в ее ушах раздавались чавканье, чмокание, фырканье» (195).

Таким же гнусным животным показан Чаплин в отношении к Нине Савеловой, жене хозяина, к которой чувствует «влечение... и очень сильное» (199). Для этого человека «нет никакого удовольствия» в том, чтобы «смотреть на женщину, говорить с нею, пожимать ее руку». «Вероятно, и целовать женщину не очень занимательно для него» (199). Главное — обладание, которое для Нины равноценно поруганию «бездушным, бесстыдным, отвратительным» животным (201).

Политические решения Чаплина тоже поставлены в зависимость от плотских притязаний героя. Убедившись, что Нина Савелова не желает «быть его наложницею», Чаплин уезжает с обеда и отказывается подписать составленный либералами доклад «об основаниях, на которых будут освобождены крестьяне» (208). Остается непонятным, как бы он поступил в противном случае.

Предвзятое отношение Чернышевского к личности своего идеологического противника особенно очевидно на общем фоне романа «Пролог», в котором использована богатая гамма интонаций для характеристики других героев — различные оттенки иронии, иногда элементы сатиры, но только Чаплин подвергнут столь беспощадному осмеянию.

Е.И. Покусаев называет автора «Пролога» «мастером политического памфлета», который, «отталкиваясь от реальных фактов биографии графа М.Н. Муравьева... создал обобщенный образ тупого обскуранта, олицетворяющего жестокость реакции»⁴. Я полагаю, однако, что при этом Чернышевский чересчур увлекся обытовлением своего героя, дискредитацией его с помощью мотива еды. Стремясь продемонстрировать человеческую несостоятельность графа, писатель практически не показал его в сфере политической деятельности. Образ Чаплина, прототипом которого послужил М.Н. Муравьев, получился предвзятым и однобоким. Справедливым представляется оценка В. Набокова, который писал в романе «Дар», что Муравьев изображен Чернышевским с «беспомощным отращиванием»⁵.

В 1872 г. на страницах журнала М.Н. Каткова «Русский вестник» печатается антиинициалистический роман В.В. Крестовского «Две силы», вторая часть дилогии «Кровавый пух». Сюжетную основу этой книги составило участие героев дилогии в подавлении Польского восстания. Главный герой Константин Хвалынцев, через призму восприятия которого показан в «Двух силах» М.Н. Муравьев, первоначально был завербован поляками для участия в «польской справе». К моменту встречи с Муравьевым он уже окончательно приходит к убеждению о несостоятельности радикальных идей, о ложности лозунга национального освобождения Польши и искупает кровью на поле боя прежние заблуждения. Испытывая муки совести, Хвалынцев пишет искреннее письмо на имя Муравьева и получает от последнего приказ явиться в Вильну.

Прежде чем перейти к сцене встречи Хвалынцева и Муравьева на страницах романа, хотелось бы обратиться к периоду деятельности реального исторического лица М.Н. Муравьева, связанному с его пребыванием в Северо-Западном крае.

Польское восстание началось в январе 1863 г. В мае в Литву был назначен М.Н. Муравьев (генерал-губернатор гродненский, ковенский и минский, виленский военный губернатор, командующий войсками Виленского военного округа). От императора получил исключительные полномочия по усмирению восстания. Имя Муравьева наводило ужас. Еще в 1831 г., будучи генерал-губернатором в Гродно, он имел выразительное прозвище Вешатель. Во время подавления польского мятежа 1863—1864 гг. он, по разным данным, «собственной властью» повесил от 128 до 240 поляков⁶ и отправил в ссылку в Сибирь свыше 9000⁷. Революционер П.А. Кропоткин, знавший о кампании в Польше со слов своего двоюродного брата, офицера гвардейского уланского полка, называет его «палач Муравьев»⁸. Монархист А.А. Керсновский выступает в защиту: «Муравьев казнил лишь террористов, захваченных на месте преступления, либо повстанцев, уличенных в зверстве над русскими ранеными». Он полагает, что политика Муравьева «...сводилась к ограждению человеческих прав русского населения...от насильственной полонизации»⁹. Так или иначе, М.Н. Муравьев, решительно взявшийся за дело усмирения, быстро навел порядок.

Вернемся к роману «Две силы». Всеволод Крестовский, мастер интриги и любитель эффектных сцен, предваряет сцену встречи Хвалынцева с Муравьевым передачей того впечатления, которое производил генерал-губернатор на многочисленных сановитых чиновников: «...среди мертвой тишины, водворившейся в зале, ясно послышался звук старчески медленных, но твердых шагов. Хвалынцев мог заметить, как невольно побледнели и вытянулись польские лица при мерном стуке этой походки... он сам почувствовал внутри себя нечто жуткое, замирающее...»¹⁰ И далее — настойчиво, как и у Чернышевского, повторяющиеся детали, только создающие не внешний, а психологический портрет Муравьева: тихий голос и взгляд, «где просвечивала железная, непреклонная воля», «магнетическое влияние» «пристального, твердого и внимательного

взгляда». Создается монументальный образ человека, величественного в своей «строгой простоте», наделенного «действительной и громадной нравственной силой» (Т. 3, 563), — человека, вызывающего у читателя невольное уважение.

Но Крестовский идет дальше в своем стремлении создать идеализированный образ диктатора Польши и «грозы литвинов» (Т. 3, 564). Он пытается вызвать расположение, симпатию к нему, даже умиление.

Писатель умело создает оценочный фон Муравьеву, описывая польских магнатов, которые преклоняются и трепещут перед ним, невольно «гнутся и немеют». Особо подчеркивает писатель предпочтение, оказываемое генерал-губернатором православным священникам перед польскими: он подходит под благословение седовласого протоиерея, внимательно выслушивает просьбы и «еще внимательней и радушной» отпускает их после аудиенции (Т. 3, 564). Но главное значение, как мне кажется, отводится впечатлению, которое должна произвести сцена разговора Муравьева с Константином Хвалынцевым.

В сцене аудиенции, данной герою наедине, за закрытыми дверями «чрезвычайно просто убранной комнаты» этот «умный и проницательный» старик, великодушно простивший Хвалынцеву ошибки молодости, вдруг преобразается: «добродушная улыбка», «добрая и разумная простота», «сердечность». Одно из описаний Муравьева напомнило мне толстовские портреты Кутузова: «Это широкое, старчески обрюзглое лицо, озаренное теперь благодушно-серьезной улыбкой, этот чубук, дымящийся в губах, спокойные, умные глаза и даже этот сюртук расстегнутый — все это так живо, так наглядно представляло беспритязательный тип русского, матерего барина...» (Т. 3, 564). (Сравним у Толстого: «умное, доброе... тонко-насмешливое выражение на пухлом лице» Кутузова¹¹).

Комментируя образ Кутузова через призму философско-этических представлений Толстого, А.А. Жук пишет: «...он так человечески прекрасен, что ни одна будничная деталь не может стать для него снижающей»¹².

Нравственной привлекательностью, человеческой значительностью хочет наделить своего героя и Крестовский. Но если толстовский образ Кутузова в своем истинном величии органичен, естественен, то образ Муравьева, созданный Крестовским, все же оставляет у читателя ощущение некоторой преднамеренности. Ощущение это возникает и благодаря общему контексту произведения, вследствие избирательного подхода Крестовского к изображению и оценке событий в Польше и в силу чрезмерной, избыточной идеализации образа диктатора, который, «чуя за собой мощный голос целой поднявшейся России», «ободренный настроением местного русского земледельческого населения», не только подавил мятеж, подавил «с величайшей осмотрительностью и тактом», карая и внушая страх только там, где исподтишка действовала крамола, уничтожая только те панские усадьбы, где производились «истязания» (Т. 3, 559), но и сделал распоряжения «об устройстве быта сельчан, основанные на истинном духе и смысле «Положений 19-го февраля», а не на своекорыстных и лукавых изворотах польской «легальности» (Т. 3, 561).

Процитированные мной слова звучат уже от лица автора, который постоянно вводит в текст романа пространные рассуждения публицистического характера. В этих рассуждениях М.Н. Муравьев представил исключительно вершителем справедливости, законности, избавителем страждущего народа от произвола шляхты. Я полагаю, что в реальности все было несколько сложнее, и военный человек, наделенный особыми полномочиями, не мог постоянно действовать «с величайшей осмотрительностью и тактом».

Сопоставляя две интерпретации личности М.Н. Муравьева в художественной литературе, принадлежащие «властителю дум» русской радикальной молодежи и писателю консервативного, охранительного лагеря, я склонна считать, что В.В. Крестовскому, несмотря на идеализацию, удалось создать более полный

М.Н. Муравьев.
С портрета маслом Н.П. Загорского

и объективный образ этого военачальника и государственного деятеля. Кроме того, проведя в романе аналогию между личностью Муравьева и личностью Кутузова (а я считаю эту аналогию сознательной), писатель невольно спровоцировал сопоставление двух военачальников. Оно будет не в пользу Муравьева. Кутузов (и реальное лицо, и герой Толстого) истинно народный, величественный даже в своих житейских проявлениях в отличие от Муравьева оппозиционер Государю и милосерден к поверженному врагу. Не менее важно и то, что Кутузов — символ духовного единения всех наций и сословий России перед лицом опасности. Муравьев поставлен в иные исторические условия. Отечественная война 1812 г. не равноценна в общественном сознании подавлению восстания в Польше, а Крестовский по ходу романа настойчиво пытается сопоставить эти несопоставимые события.

М.Н. Муравьев — сложная и яркая личность, человек, сыгравший значительную роль в истории нашего Отечества. В Вильнюсе есть не только мемориальная плита на месте казни З. Сераковского, но и памятник М.Н. Муравьеву, воздвигнутый в 1898 г. Я думаю, что историками еще не сказано последнее слово об этом выдающемся полководце и незаурядном человеке.

¹ Военная энциклопедия. Птб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Репр. изд. // Полководцы, военачальники и военные деятели России. СПб., 1997. Т. 3. С. 212—216.

² Чернышевский Н.Г. Пролог. М., 1988. С. 13, 179, 208.

³ Ланшиков А.П. Н.Г. Чернышевский. М., 1982. С. 363, 365.

⁴ Покусаев Е.И. Чернышевский // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. С. 474.

⁵ Набоков В.В. Дар // Собр. соч. В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 241.

⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 191.

⁷ Горелов П.Г. Примечания // Чернышевский Н.Г. Пролог. М., 1988. С. 426.

⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 191.

⁹ Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 198.

¹⁰ Крестовский В.В. Собр. соч. В 8 т. СПб., 1899—1904. Т. 3. С. 563.

¹¹ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М., 1980. Т. 6. С. 180.

¹² Жук А.А. Роман-эпопея в творчестве Л.Н. Толстого // Русская проза второй половины XIX в. М., 1981. С. 157.

SUMMARY: The article by G. Skleinis contains an interpretation of the personality of a famous statesman M.N. Muraviev in the novel "Prologue" written by N.G. Chernyshevsky, "inspirer of the minds" ("vlastitel dum") of the revolutionary youth, and in V.V. Krestovskiy's antinihilistic novel "Two rocks". Both interpretations due to ideological reasons distort the representation of the real personality of M.N. Muraviev through V. Krestovskiy, would be historical authenticity, and really create the more objective image of this commander and statesman.